

Нет тишины и нет покоя...

ХВОРАЯ ТЯЖЕЛОЙ БОЛЕЗНЬЮ, ФИКЕ ПОСТОЯННО ДУМАЛА О ГРОЗНЫХ СТЫЧКАХ НА ЗАПАДЕ

Первые месяцы 1748 года доставили Кате массу неприятностей — и физических, и политических. Великая княгиня плохо чувствовала себя и вынуждена была подолгу лежать в кровати, изгоняя бесов очередной простудной напасти. Одновременно — благодаря бдительным и всезнающим фрейлинам — она получала подробные сведения о шумевшей где-то вдалеке войне за Австрийское наследство. Той брани, на заключительном этапе которой вознамерилась показать свою державную удачу императрица Елизавета Петровна.

НА ЗАРЕ ТЫ ЕЕ НЕ БУДИ...

Нездоровье мучило Фике чуть не до Страстной субботы. Утром она встала на ноги и вкусила святое причастие. Потом, ощутив прежний жар, опять склонилась на подушку. Назавтра, в день Пасхи, постель передвинули к окну, а Екатерина велела вызвать Марию Крузе. И тут повторилась январская сцена: взглянув на свою госпожу, импульсивная камер-фрау воскликнула, что ее высочество вновь покрыты какой-то сыпью. Явившийся в полном составе лекарский штат почтительно замер у ложа августейшей пациентки.

На сей раз приговор был скорым и единодушным: оспа! Согласно кивал даже хирург-скептик Гюйон, не спешивший с диагнозом на прошлой врачебной сходке. Однако сама Катя почему-то не верила сгрудившимся эскулапам: шестое чувство подсказывало, что их выводы не более верны и точны, чем сходная ошибка трехмесячной давности. И действительно: спустя сутки светила и корифеи со вздохом определили, что супруга престолонаследника больна не оспой, а корью. Но настолько сильной, что все тело — от макушки до ступней — усеяно крупными, с рифленый рубль, пятнами.

Недуг, к сожалению, был очень заразным. Служившая у княгини девочка-калмычка, которая дневала и ночевала у изголовья, вскоре слегла с температурой, и ее пришлось заменять другими горничными. В разгар лечебных «занятий» Фике навесил граф Лесток. Числившийся лейб-медиком вельможа мельком шепнул ей: «Шведского дипломата Вольфенштерна весьма печалит ваш тонус...» Учительная природная склонность веселого месье к шуткам и балагурству, Катя заметила: «Передайте, пожалуйста, господину послу искреннюю признательность за его участие». Граф пристально, с хитрецей посмотрел на собеседницу и раскланялся.

Екатерина закрыла глаза: приветственную фразу произнесли не напрасно. Но интриган ожидал, видимо, иного ответа. Какого именно? О Вольфенштерне ходили вообще разные слухи. Сей стокгольмский резидент обожал азартную игру, делая всегда солидные денежные ставки. На Масленице он выиграл у многих придворных, включая Алексея Разумовского, довольно внушительные суммы. В то же время слыл умелым и любезным партнером. Царедворцы — да что там, сама матушка Елизавета Петровна! — желали сразиться с ним за карточным столом. И приятно — хотя надо быть донельзя осторожной! — что в преддверии ее, Фике, двадцатилетия такой завидный ухажер-волохита проявляет к ней повышенный интерес...

«Я стал бы летать над мечом и щитом...» Генерал-фельдмаршал Петр Ласси (1678 — 1751), герой многих битв и военный советник Елизаветы Петровны.

поддержку в высших парижских кругах, где загода подумывали — взирая на дряхлеющего кайзера Карла VI Габсбурга — о выгодном растаскивании обширных австрийских провинций. К тому же вождельно рвался и берлинский Фридрих II. Провокаторы понимали, что могучая Россия будет не в восторге от подобной ревизии на просторах Центральной Европы и — в гораздо большей степени — от рождения на ее западных границах окрепшей воинственной Пруссии.

И вот здесь-то им помог стратегический запасец — обиженные Петром шведы. Фридрих II признавал впоследствии в одном из частных писем, что без нападения Стокгольма на Петербург все атаки Берлина против Вены едва ли увенчались бы столь резвым успехом. Горячее рвение проявил и Париж. Осенью 1738-го Людовик XV заключил со «свеями» дружественный договор, в соответствии с коим Франция обязалась на протяжении трех лет предоставлять бойкому варяжскому союзнику ежегодную субсидию в 300 тысяч риксдалеров. Только дерись с москвитями!

И драка вспыхнула в июле 1741-го — при дряблом кабинете Анны Леопольдовны. Но европейская многоходовка удалась лишь частично, наполовину. Русские, особенно после интронизации Елизаветы Петровны, потеснили супостатов, взяв под контроль устье реки Кюмени и ценную крепость Нейшлот. Эти зрелые, добытые фельдмаршалом Ласси плоды и упали в «корзину» подписанного летом 1743-го Уверительного акта. Кроме того, по настоянию победителей шведский парламент (риксдаг) избрал престолонаследником своего королевства голштинского принца Адольфа Фридриха — дядюшку Фике, которая, кстати, и не доехала тогда до России. Ну а Петербург щедро — ради мира! — отдал стокгольмских мальбруков, уступив им некоторые занятые районы — например, добрый кусок Карелии и так называемый Саволак. Собственно, в развитие оной бумаги на берегах Невы и осел улыбчиво-галантный герр Вольфенштерн.

Но положение «счастливой Австрии», как привыкли именовать ее гордые венские владыки, оказалось, увы, несчастным. Коварные соседи ловко воспользовались случаем. Разбойник Фридрих (через два века — кумир Адольфа Гитлера!), поощряемый легкомысленными парижскими шевалье, тоже, между прочим, не сидевшими спустя рукава, присвоил габсбургскую Силезию, а позднее захватил и саксонский Дрезден. Чем изрядно удручил человеколюбивое сердце государыни императрицы Елизаветы Петровны.

«В траве высокой, в чаще леса, рассыпавшись, добычи ждут...» Охота французского короля Людовика XV. Живописец Жан-Батист Удри. 1730 год.

ПУСТЬ РУШАТСЯ БЫЛЫЕ СВОДЫ!

Мысли Екатерины двоились: она то тревожилась о своей простуде, то погружалась в роковые европейские конфликты. Война в Старом Свете гремела уже годы подряд — с декабря 1740-го, иногда затихая в рамках коротких перемирий, иногда взрываясь трескучими разрядами взаимной ненависти. Россия не торопилась ввязываться в чужие битвы, полагая, что сначала нужно навести порядок на своих скандинавских рубежах. А там было не слишком спокойно.

Еще на излете 1730-х в Стокгольме взяла верх милитаристская партия, грезившая во что бы то ни стало переключить карту 21-летней Северной кампании с армиями Петра I, вернув королю Фредрику Восточную Прибалтику и Приневский край. Эти малореальные проекты нашли, однако, поддержку в высших парижских кругах, где загода подумывали — взирая на дряхлеющего кайзера Карла VI Габсбурга — о выгодном растаскивании обширных австрийских провинций. К тому же вождельно рвался и берлинский Фридрих II. Провокаторы понимали, что могучая Россия будет не в восторге от подобной ревизии на просторах Центральной Европы и — в гораздо большей степени — от рождения на ее западных границах окрепшей воинственной Пруссии.

И вот здесь-то им помог стратегический запасец — обиженные Петром шведы. Фридрих II признавал впоследствии в одном из частных писем, что без нападения Стокгольма на Петербург все атаки Берлина против Вены едва ли увенчались бы столь резвым успехом. Горячее рвение проявил и Париж. Осенью 1738-го Людовик XV заключил со «свеями» дружественный договор, в соответствии с коим Франция обязалась на протяжении трех лет предоставлять бойкому варяжскому союзнику ежегодную субсидию в 300 тысяч риксдалеров. Только дерись с москвитями!

И драка вспыхнула в июле 1741-го — при дряблом кабинете Анны Леопольдовны. Но европейская многоходовка удалась лишь частично, наполовину. Русские, особенно после интронизации Елизаветы Петровны, потеснили супостатов, взяв под контроль устье реки Кюмени и ценную крепость Нейшлот. Эти зрелые, добытые фельдмаршалом Ласси плоды и упали в «корзину» подписанного летом 1743-го Уверительного акта. Кроме того, по настоянию победителей шведский парламент (риксдаг) избрал престолонаследником своего королевства голштинского принца Адольфа Фридриха — дядюшку Фике, которая, кстати, и не доехала тогда до России. Ну а Петербург щедро — ради мира! — отдал стокгольмских мальбруков, уступив им некоторые занятые районы — например, добрый кусок Карелии и так называемый Саволак. Собственно, в развитие оной бумаги на берегах Невы и осел улыбчиво-галантный герр Вольфенштерн.

Я В НЕМЕЦКОМ САДУ РАБОТАЛ ПО ВЕСНЕ...

Вынужденно лежобокствуя в будуаре, Екатерина воздавала дань проницательности своей неродной свекрови. Ведь та прилагала все усилия, чтобы воспрепятствовать нарушению европейского равновесия — тем паче за счет такой же, как она сама, коронованной дамы, кайзерин Марии Терезии. Слабой женщины, безвинно страдавшей от происков алчных и ненасытных мужчин. И Фике в энный раз вспоминала о той поре, когда исподволь готовилась динамичная встреча России и Европы.

...Юного орленка, освободившегося от душевной опеки сестрицы Софьи да и усопшего святителя Иоакима, властно влекла Немецкая слобода, где обитали все московские иноземцы. Знаменитый историк Сергей Платонов отмечал, что в этой магнетической тяге не было ничего странного. Русский двор второй половины XVII столетия широко пользовался услугами европейских гостей. «Маленького Петра лечили доктора-немцы; в вычурных садах царя Алексея он видел немцев-садовников; всякие технические поделки исполнялись мастерами-немцами. Мать Петра, царица Наталья, выросла у своего воспитателя Артамона Матвеева в приязни к немцам.

Боясь близких к Софье ученых киевлян, она не страшилась немцев и допускала их к сыну... Немцы помогали царю строить его крепость. Голландец Тиммерман учил Петра арифметике, геометрии и фортификации; голландец же Брант обучал его плавать под парусами. Петр малопомалу обращался в военного техника и любителя-моряка. Не было у него положенного тогда схоластического образования, а были какие-то особые, необычные знания, какие-то особые, совсем не царские вкусы. Молодой государь представлял собою необыкновенный для московского общества культурный тип». Сей, подумалось Кате, неповторимый характер, разросшийся однажды до национально-социальных масштабов, и развернул Восток к Западу...

«Прибыл Брантов утлый бот...» Петр у руля парусного ботика на Яузе. Художник Алексей Кившенко. 1880 год.